

ных женщин вне ИК на время освобождения от работы по беременности и родам, а также на период до достижения ребенком трехлетнего возраста, что предусмотрено ст. 91 УИК, вообще не практикуется. Основными причинами этого мы считаем невозможность осуществления постоянного надзора администрацией за данной категорией лиц, что предусмотрено законодателем; отсутствие необходимых жилых помещений, принадлежащих колонии, а в конечном итоге – отлаженного механизма предоставленного права женщинам проживать вне ИК.

В рассматриваемом аспекте интересен опыт некоторых стран Европы. Так, в Германии существуют автономные тюремные комнаты для матери и ребенка площадью 20 м², предусмотрены ясли, сад, детские площадки, специальный лифт для подъема детских колясок на жилой этаж и др. Содержание осужденной матери с ребенком может продолжаться до достижения им школьного возраста. В Финляндии ребенок может содержаться с матерью до четырех лет. В Дании, Греции предусмотрено совместное проживание матери и ребенка, даже в тех случаях, когда женщина приговорена к одиночному заключению. В Ирландии стараются избегать совместного пребывания осужденной матери со своим чадом: ее освобождают досрочно, так как ребенок с матерью может оставаться только до девяти месяцев. После освобождения условия жизни освобожденных матерей с детьми не отличаются от условий всех других граждан. В отличие от белорусских женщин, они не испытывают в посткриминальный период материальных затруднений, решение которых при необходимости берет на себя государство.

Следует согласиться с мнением специалистов в области права, что в цивилизованном государстве наказание в виде лишения свободы не должно рассматриваться в качестве основного средства борьбы с преступностью, тем более женской. Так, в 2021 г. наказание в виде лишения свободы назначалось около 40 % женщин, совершивших преступления, не представляющие большой общественной опасности. В связи с этим полагаем целесообразным назначать данный вид наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, которые не раскаиваются в содеянном и совершили тяжкие или особо тяжкие преступления, связанные с посягательством на жизнь или здоровье человека. Альтернативой пребывания в ИК за совершение менее тяжких преступлений могли бы стать наказания, не связанные с изоляцией: штраф, общественные или исправительные работы, тем более что после освобождения из колонии количество проблем, стоящих перед женщинами, не уменьшается.

Нами затронуты лишь особенности, направленные на обеспечение возможности осужденных женщин выполнять свои материнские обязанности, на охрану детей, родившихся в местах лишения свободы, и обеспечение их полноценного социального и психологического развития во время вынужденного нахождения в ИК. Совершенствование такого направления работы послужит основой для подъема на качественно новый уровень системы мер предупреждения современной женской преступности и позволит осуществить эффективную профилактику с этим явлением.

УДК 343.82

Ю.А. Сурженко

ОБ ОБСТАНОВКЕ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ БЕЛАРУСИ И ПРИНИМАЕМЫХ МЕРАХ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

В феврале 1917 г. большинство тюремных сооружений Российской империи были разрушены, а их имущество и документация расхищены или уничтожены. В этой связи обострились и существовавшие проблемы, в тюрьмах продолжали процветать воровство, насилие, бандитизм, нападения на охрану, побеги и т. п. Состояние обстановки в таких учреждениях четко отражено в отчете Карательного отдела Народного комиссариата юстиции (НКЮ) VII съезда Советов об исправительно-трудовой политике Советского государства за период с Великой Октябрьской социалистической революции по 1919 г., в котором указывается на критическую ситуацию в местах лишения свободы, их неуправляемость и неконтролируемость со стороны работников этих учреждений, в связи с чем почти весь внутренний распорядок регулировался лицами, отбывавшими в них наказание, а администрация учреждений лишь охраняла периметр. Учитывая сложившуюся обстановку, была поставлена задача по восстановлению и преобразованию уголовно-исполнительной системы новообразованного Советского государства. При этом упор был сделан не столько на восстановление тюрем, сколько на формирование новой системы ИТУ, главной целью которых являлось перевоспитание.

Основные обязанности по достижению указанных целей были возложены на НКЮ ССРБ (в дальнейшем 22 августа 1920 г. при нем был образован Карательный отдел), которому для искоренения дореволюционной тюремной системы требовалось осуществить ряд мер: слом старого

аппарата управления тюрьмами; отмена царских законодательных актов и создание новой правовой базы функционирования ИТУ, отвечающей требованиям социалистического государства; изменение содержания принципов и методов исполнения наказания и средств достижения целей уголовной ответственности.

Исходя из того, что до января 1919 г. Беларусь фактически являлась частью РСФСР, НКЮ ССРБ постановил руководствоваться в сфере исполнения наказаний нормативными правовыми актами РСФСР. По этой причине белорусское уголовно-исполнительное законодательство в дальнейшем разрабатывалось на основе российского с учетом специфики национальной пенитенциарной системы, что, в свою очередь, как правило, обуславливало охват даже более широкого круга общественных отношений.

Так, основополагающим нормативным правовым актом стала временная инструкция НКЮ РСФСР от 13 июля 1918 г. «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» (основные ее требования затем были изложены в Инструкции НКЮ ССРБ «О местах заключения ССРБ»), содержащей прямое указание об отмене всех царских законодательных актов, за исключением Общей тюремной инструкции 1915 г., основные предписания которой продолжали действовать.

Указанная инструкция имеет особое значение для становления уголовно-исполнительного законодательства, поскольку в нем впервые употребляется термин «режим», под которым понимались условия содержания осужденных. Заслуживающим внимания также представляется выделение «более сурового режима» как одной из мер взыскания, применявшихся к наиболее опасным правонарушителям.

Следует отметить, что кроме отсутствия надлежащего нормативного правового регулирования в начале 1920-х гг. в пенитенциарной сфере существовали и иные проблемы:

высокий уровень преступности в тюремных учреждениях и за их пределами;

тяжелое материальное положение и переполненность тюрем;

низкий профессионализм работающих в них лиц;

отсутствие необходимого взаимодействия с государственными органами и организациями;

слабая воспитательная работа с осужденными и т. д.

Наличие таких проблем не позволяли правоохранительным органам решить главную задачу для мест лишения свободы в рассматриваемый период, заключающуюся в снижении уровня преступности и восстано-

лении правопорядка. В то же время пристальное внимание уделялось борьбе с побегами, которые получили широкое распространение по причине начала массового привлечения спецконтингента к труду на различных объектах за пределами тюремных учреждений (контрагентских работах), в связи с тезисом В.И. Ленина о том, что труд является основным средством перевоспитания осужденных. Ослабленный контроль на объектах трудового использования осужденных приводил к широкому распространению побегов. Между тем розыск сбежавших лиц в условиях общего хаоса в стране часто становился неразрешимой задачей, что также, несомненно, стимулировало осужденных к побегам.

Сложившаяся обстановка обусловила наличие в Декрете ВЦИК РСФСР от 17 мая 1919 г. «О лагерях принудительных работ» предписаний, направленных на борьбу с побегами. Так, предусматривалось введение круговой поруки, т. е. суровой дисциплинарной ответственности для осужденных одной бригады, в случае побега хотя бы одного из них, а к сбежавшему лицу за впервые совершенное деяние первоначальный срок наказания мог быть увеличен до десяти раз, а за повторное – до исключительной меры наказания.

Заслуживающим внимания также является и то, что в упомянутой выше временной инструкции «О лишении свободы как мере наказания и о порядке отбывания такого» предусматривалась такая экстраординарная мера, направленная на профилактику и сокращение опасных противоправных деяний, как продление срока лишения свободы, установленного приговором. По окончании отбывания наказания к «хулиганам, погромщикам и упорным рецидивистам» допускалось применение дальнейшей изоляции, причем ограничений по срокам не существовало.

Кроме того, часто для наведения порядка в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) прибегали и к помощи профессиональных преступников, так называемых воров в законе, что, к слову, несмотря на кратковременный успех, в итоге привело к серьезным проблемам, значительно усилившим криминогенность в местах лишения свободы.

Таким образом, принимаемые в первые годы советской власти меры в уголовно-исполнительной сфере, на наш взгляд, были направлены:

на слом старой и формирование новой пенитенциарной политики;

нормализацию обстановки в учреждениях УИС посредством снижения преступности в местах лишения свободы;

борьбу с преступностью и снижение криминогенности за пределами мест лишения свободы, что в условиях постреволюционной действительности, вероятно, имело даже более приоритетное значение.